

Часы на башне Оролоджо пробили полночь.

В казино и увеселительных заведениях возле моста Риальто и на Славянской набережной жизнь еще кипела: нарядные слуги разносили вино и закуски, кавалеры в расшитых золотом камзолах и разноцветных масках делали огромные ставки и проигрывали целые состояния. Но стоило отойти от этих значных мест, углубиться в темные переулки Дорсодуро или кварталы возле Фундаменто Нуово, и вы погружались в таинственную тьму и тишину венецианской ночи, изредка нарушаемую дробным стуком каблучков спешащей на свидание барышни в шелковой маске или плеском весла черной гондолы, скользящей по темной маслянистой глади канала.

Одна из таких гондол беззвучно подплыла к порогу темного палаццо. Высокий господин в черном плаще, треугольной шляпе и маске Бауты с длинным выступающим подбородком перешагнул с борта гондолы на мраморные ступени палаццо и постучал в дверь.

Дверь бесшумно отворилась, выглянул слуга в малиновой куртке, расшитой шнуrom, быстро огляделся и отступил, пропуская ночного гостя. Тот опустил в протянутую ладонь золотую монету и спросил коротко:

- Здесь?
- Так точно-с! В кабинете!

Гость вошел в палатцу, пересек сырой и холодный холл в осыпающихся росписях, поднялся по широкой лестнице на второй, жилой этаж. Впрочем, здесь тоже царило запустение — росписи стен выцвели и осыпались, ковры полуистлели, розоватые муранские стекла в окнах были почти непрозрачны от пыли и копоти.

Гость пересек несколько пустых комнат, подошел к очередной двери и распахнул ее.

Он оказался в богато обставленном кабинете.

В отличие от других помещений дворца здесь было чисто и почти уютно — если бы не сырой холод, с которым не мог сладить даже горящий в камине огонь. Холод был какой-то особенный, пронизывающий, какой бывает в кладбищенских склепах или мрачных подземных казематах старых тюрем.

По стенам кабинета стояли шкафы, заполненные старинными книгами и манускриптами, посреди красовался огромный глобус. В глубине находился массивный стол черного дерева, за которым сидел, склонившись, человек в черном камзоле и что-то писал в толстой книге.

— Вот я и нашел тебя! — проговорил гость и вытащил из-под полы плаща массивный пистолет с инкрустированной серебром рукояткой и шестигранным стволом.

— Ах, это вы, мой друг! — Хозяин кабинета — мужчина лет сорока, с узким лицом, темными, глубоко посаженными глазами и длинными обвислыми усами, касавшимися кружевного воротника, отложил перо, поднял голову и улыбнулся — но улыбка эта больше напоминала волчий оскал.

— Я тебе не друг! — Гость шагнул вперед и навел на него пистолет. — Ты знаешь, зачем я пришел.

— Ах, ну конечно! Из-за того маленького недоразумения там, в Трансильвании...

— Маленького недоразумения? Так ты называешь смерть моей сестры? Смерть — которая была больше чем смерть, потому что ты погубил не только плоть, но и ее бессмертную душу!

— Ах, оставь, братец! Лючия сама выбрала такую судьбу...

— Сама? После того, что ты с ней сделал?

— Да, она сама ее выбрала! Она предпочла унылому прозябанию вечную молодость, вечную красоту! Предпочла удивительную жизнь, которую я ей подарил...

— Вечную жизнь? Или вечную смерть?

— То, что вы называете смертью, — это второе рождение, к новой, лучшей жизни!

— Да? Вы никогда не видите солнечного света!

— Подумаешь, потеря! Мы видим свет куда более красивый — свет далеких звезд, чарующий и манящий...

— Ты сам не веришь в свои слова! И не пытайся заговорить меня — это у тебя не выйдет!

— Ах, хватит уже! Ты мне надоел! Зачем пришел?

— Разве не ясно? Затем, чтобы остановить тебя! Затем, чтобы покончить с тобой раз и навсегда!

— Ну так делай, что собрался! — Хозяин кабинета снова хищно усмехнулся.

— Думаешь, у меня ничего не выйдет?

— Ты сам это знаешь. Я уже умер, и умер давно — а мертвого убить невозможно.

— Посмотрим! — Гость взвел курок, направил ствол в грудь вислоусого, нажал спусковой крючок.

Пистолет изрыгнул пламя, раздался оглушительный грохот, наполнивший всю комнату.

Однако рука стрелка немного дрогнула, и пуля попала не в сердце, а в плечо усатого. В его камзоле появилось круглое отверстие, из которого потекло что-то густое и черное.

Раненый вскрикнул, худое лицо перекошилось, он удивленно взглянул на свою рану, потом на мстителя.

— А ты хитер... что это была за пуля?

— Ага, тебя проняло... Я уже убедился, что обычные пули тебе не страшны, и поговорил со знающими людьми. Мой пистолет был заряжен пулей из серебряной амальгамы, которую муранские мастера используют для своих зеркал. Если такая пуля попадет в твое сердце — ты умрешь, и умрешь уже навсегда!

Лицо вислоусого перекошилось от боли, однако он поднялся из-за стола и прохрипел:

— Ты сказал — если попадет... но твоя пуля не попала в сердце. Так что у тебя и на этот раз ничего не вышло. Пока ты будешь перезаряжать пистолет...

Несмотря на хвастливые нотки, голос злодея звучал сбивчиво, как будто ему с трудом давалось каждое слово.

— Первый раз я промахнулся, но не надейся, второй раз я буду стрелять точнее...

Человек в маске отбросил пистолет — и вытащил из-под плаща второй.

— Вот как... ты и вправду все предусмотрел.

— Все! — Мститель поднял руку с пистолетом и направил ее в грудь усатому.

— Ты умрешь, Влад Цепеш, и умрешь навсегда!

Но усатый собрался с силами, метнулся в сторону, пересек кабинет и распахнул маленькую дверцу возле камина.

Мститель бросился за ним и оказался в крохотном помещении без окон, со сводчатым потолком.

— Где же ты? — Он взгляделся в темноту. — Вздумал поиграть со мной в прятки? Не надейся, из этого ничего не выйдет!

Глаза его постепенно привыкли к скудному освещению, но в комнате никого не было, Влад Цепеш словно сквозь землю провалился.

— Мерзкий упырь! На этот раз ты не сбежишь от меня! — Мститель обошел комнату, заглядывая во все углы. Он даже отодвинул от стены тяжелый сундук, поднял его крышку и заглянул внутрь — но врага нигде не было.

Он в растерянности остановился посреди комнаты и еще раз огляделся. Внезапно у него за спиной раздался шелестящий, вкрадчивый шепот, похожий на шорох осенних листьев:

— Ищи, ищи лучше! Я здесь!

Мститель резко развернулся, вскинул пистолет.

За спиной никого не было. Только зеркало висело на стене. Большое овальное зеркало в резной черной раме — черные ветви сплетались в удивительный узор, черные листья, казалось, трепетали под дыханием неосязаемого ветра.

Мститель подошел к зеркалу, заглянул в него и увидел свое собственное лицо — а что же еще можно увидеть в зеркале?

Но вокруг лица клубилась багровая, живая тьма, в которой то и дело мелькали какие-то другие лица — мужские и женские, они показывались на мгновение и тут же исчезали, растворяясь в клубящейся тьме. Он увидел — или это ему только показалось? — старого барона фон Ауэ, страшная смерть которого потрясла всю страну... и бесследно исчезнувшую среди бала госпожу Эстергази... и еще десятки лиц, знакомых и незнакомых... а потом... потом он увидел Лючию... лицо ее мелькнуло на мгновение и тут же исчезло...

Вдруг лицо самого мстителя в зеркале стало неуловимо меняться. Щеки втянулись и побледнели, глаза сошлись ближе

и потемнели, в них появилось злобное выражение, волосы удлинились, а над верхней губой появились обвислые усы...

Мститель в ужасе попятился.

Из зеркала на него смотрело чужое, ненавистное лицо — лицо его злейшего врага, Влада Цепеша, которого подданные за глаза называли Дракулой.

Надежда Николаевна в очередной раз свернула по извилистой кладбищенской дорожке, обошла печального мраморного ангела с опущенным факелом в руке, миновала покосившийся каменный крест, на котором были выбиты давние даты чьей-то жизни, и прибавила шаг. Ей было неуютно и, как ни стыдно в этом признаваться самой себе, даже страшновато на безлюдном кладбище. Не оставляло чувство, что кто-то, пристально и недобро глядя ей в спину, крадется среди заброшенных могил. Скорее бы уже выйти с этого кладбища, оказаться на людях...

Надежда загляделась на очередную старую могилу, а точнее на возвышавшийся на ней памятник, споткнулась и заметила, что на левой кроссовке развязался шнурок. Чертыхнувшись, она опустила на колено, завязала злополучный шнурок и хотела уже подняться... но тут увидела мужчину с мобильным телефоном в руке, который стоял неподалеку, за кустом боярышника, возле одной из могил.

И она его узнала. Это был мужчина из семейной пары, которую Надежда приняла за Муськиных знакомых.

Здесь, пожалуй, следует сделать отступление и объяснить, кто такая Надежда Николаевна, как она оказалась среди белого дня на полузаброшенном кладбище и что ее связывает с некоей Муськой.

Надежда Николаевна Лебедева — интеллигентная женщина, скажем так, среднего возраста — значительную часть своей жизни проработала в научно-исследовательском институте, но вдруг оказалась домашней хозяйкой. Вернее, слово «вдруг» в данном случае не совсем уместно, поскольку институт довольно долгое время еле-еле держался на плаву, пока наконец не случилась катастрофа. Директора НИИ ушли на пенсию, и на его место явился новый руководитель, молодой и энергичный, который начал свою деятельность с того, что уволил едва не половину сотрудников. Прежде всего он избавился от лентяев и неумех, так что оставшиеся сотрудники его одобрили. Но оказалось, что они рано радовались, потому что следом отправились и остальные. В общем, такая тягомотина тянулась года полтора, в результате чего от сотрудников института осталась одна четверть, а отдел, в котором Надежда Николаевна проработала больше двадцати лет, полностью сократили. Нельзя сказать, что Надежда сильно расстроилась, как уже говорилось, дело к тому давно шло. А вот ее муж, Сан Саныч, просто до неприличия обрадовался. Он сам много работал, был очень занят, по-

этому только приветствовал, что теперь дома его будут ждать довольная, ухоженная жена и вкусный ужин.

Надежда даже обиделась — выходит, она раньше вообще, что ли, не готовила? Но потом согласилась, что ее долг — заботиться о муже, к тому же у нее будет больше свободного времени, которое можно потратить на себя, любимую. И то сказать, дочка Надежды с мужем и внучкой уже давно жили в далеком северном городе, приезжали в Петербург редко и вообще управлялись со всем самостоятельно.

Поэтому Надежда Николаевна смело и радостно вступила в новую жизнь, но радость померкла через пару недель. Оказалось, что ей совершенно неинтересен образ жизни обеспеченных, ничем не занятых женщин. Нет, разумеется, раз в месяц Надежда посещала салон красоты, записалась в бассейн, но вот дальше... Визиты в косметологические клиники и фитнес-центры как-то не слишком ее привлекали. Ну вот такой уж она человек. Конечно, можно было записаться в какой-нибудь клуб по интересам, тем более что в Интернете имелось много объявлений. Но опять-таки не любила Надежда Николаевна вышивать крестиком, вязать, шить лоскутные одеяла и ходить в пешие походы. Кроме того, она привыкла, что голова должна быть всегда занята, причем не мыслями, что приготовить мужу на обед, а чем-то посерьезнее.

Однако самое неприятное заключалось в том, что у всех ее друзей и знакомых тут же нашлась для Надежды куча разнообразных дел и поручений. Просьбы шли под девизом: «Ты все равно дома сидишь, так...» Короче, свободного времени стало еще меньше, забот больше, и иными днями она уставала к вечеру хуже, чем на работе, а удовлетворения никакого.

Со временем как-то все устаканилось, утряслось, тем более что у Надежды Николаевны появилось весьма специфическое хобби. Но о нем позже.

В конце августа у Надежды образовалось действительно свободное время, поскольку они с мужем собирались провести недельку на даче, но его неожиданно (как и всегда, впрочем) выдернули в командировку. Надежда, разумеется, была недовольна, но делать нечего. Так что она осталась как бы в вакууме, поскольку заранее предупредила всех знакомых, что уезжает.

Собственно говоря, она могла бы уехать на дачу к матери, чтобы помочь там по хозяйству. Мать у Надежды была хоть и немолода, но бодра духом и относительно крепка телом, а самое главное — ужасно упряма. Она ни за что не хотела сокращать посадки в огороде, да и в саду к осени было работы полно. К тому же еще один член семьи (главный и самый любимый Сан Санычем, как в сердцах говорила иногда Надежда) рыжий пушистый котяра Бейсик в это время находился на даче, и муж,

уезжая, взял с Надежды слово, что она тотчас его навестит.

В общем, Надежда Николаевна так и собиралась сделать, но тут возникла одна большая, можно даже сказать, огромная проблема. Как уже говорилось, мать у Надежды была женщиной самостоятельной и на все имела свое собственное мнение. Так, она не то чтобы не доверяла врачам, но в районную поликлинику почем зря ходить не любила. Но и будучи женщиной грамотной, с высшим образованием, не слишком доверяла всяким новомодным биологическим добавкам и различным сомнительным устройствам, которые упорно рекламируют в Интернете. Пользовалась она проверенными временем народными средствами: малиновое варенье — при простуде, тысячелистник — чтобы кровь на царапине остановить, черника сушеная — от расстройства желудка, и так далее.

Однако была у нее, как сейчас выражаются, одна фишка. Прибор «Биофон», разработанный серьезным научным объединением и выпускавший какие-то особенные электромагнитные волны, которые, как считала мать, помогают если не от всех существующих болезней, то от многих. Приобрела она его давно, еще в советские времена, и свято уверовала в то, что было написано в сопроводительной листовке. А там чего только не было! Так что Надежда в свое время тут же усомнилась в чу-

додейственной силе прибора и имела глупость намекнуть об этом матери, после чего выслушала ее гневный монолог и решила, что скоро мать и сама разочаруется в приборе. Но не получилось: мать утверждала, что «Биофон» помогает ей от болей в спине, суставах и еще много от чего.

В конце концов Сан Саныч, вспомнив про эффект плацебо, посоветовал Надежде оставить эту тему.

Так или иначе, злополучный «Биофон» исправно нес свою службу, мать берегла его и сокрушалась, что, если драгоценное устройство, не дай бог, сломается, заменить его будет нечем — завод, который выпускал эти приборы, давно закрылся. Незачем говорить, что свой незаменимый прибор она никому не давала и лишь однажды отступила от своих правил, дав попользоваться «Биофоном» матери Муськи Васильковой.

Все эти мысли пронеслись в голове Надежды Николаевны за те полминуты, пока она завязывала шнурок на кроссовке. Но на Муське Васильковой мысли остановились, потому что Муська была такой личностью, что слов не хватит ее описать, так что Надежда только закрипела зубами.

Итак, Надежда Николаевна опустила на колено, завязала шнурок и хотела было выпрямиться, но тут заметила мужчину, которого приняла за Муськиного знакомого, а вернее,